

Преосвященный Игнатій Брянчаниновъ,
епископъ Кавказскій и Черноморскій.

На берегу Волги, въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ Костромской епархіи, въ храмѣ святаго Іоанна Златоустаго и преподобнаго Сергія Радонежскаго — покоится одинъ изъ достойнѣйшихъ іерарховъ російской церкви, преосвященный Игнатій Брянчаниновъ, бывший епископъ Кавказскій и Черноморскій, скончавшійся 30-го апрѣля 1867 года.

Покойный святитель просіялъ въ исторіи нашей церкви XIX вѣка свѣтомъ христіанскихъ добродѣтелей, подвигами строго-иноческаго житія и аскетически-богословскими писаніями. Краса русскаго православнаго иночества, онъ былъ дѣятельнымъ учителемъ монаховъ — и не только въ своихъ писаніяхъ, но и во всей жизни своей представляетъ дивную картину самоотверженія, борьбы человѣка со страстями, скорбями, болѣзнями, картину жизни, которая при помощи и дѣйствіи обильной благодати Божіей увѣнчалась побѣдою, привлекушею подвижнику многіе рѣдкіе дары Святаго Духа.

Познакомиться съ добродѣтельною жизнію въ Бозѣ почившаго іерарха поучительно не только для иноковъ, но и для всѣхъ, кому дорого спасеніе души.

Епископъ Игнатій, въ мірѣ Димитрій, происходилъ изъ древней дворянской фамилии Брянчаниновыхъ. Родился 6-го февраля 1807 года въ селѣ Покровскомъ, которое было родовымъ имѣніемъ его отца, знатнаго въ свое время помѣщика Александра Семеновича Брянчанинова, и находится въ Грязовецкомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи.

Одаренный прекрасными способно-

стями, Димитрій Александровичъ первоначальное воспитаніе и образованіе получилъ въ домѣ своихъ родителей. Крімъ занятій въ наукахъ, онъ упражнялся въ пѣніи, рисованіи и музыкѣ. Наставниками его были учителя Вологодской семинаріи и гимназіи. Домашнимъ же учителемъ его былъ студентъ семинаріи Левитскій, такъ хорошо успѣвшій ознакомить своего ученика съ начальными истинами богословія, что преосвященный Игнатій до конца жизни сохранялъ благодарную память о немъ.

Искра божественной любви рано запала въ чистое сердце отрока Димитрія и проявилась въ особомъ расположеніи къ молитвѣ, къ чтенію книгъ духовно-нравственнаго содержанія и къ уединенію. Любилъ онъ посѣщать церковь, а дома имѣлъ обыкновеніе часто молиться въ теченіе дня, не ограничиваясь установленнымъ временемъ — утромъ и вечеромъ. Евангеліе читалъ съ умиленіемъ, размышляя о прочитанномъ. Любимою же его книгою было «Училище благочестія» въ пяти томахъ стариннаго изданія. Книга эта, содержащая краткое изложеніе дѣяній святыхъ и избранныя изреченія ихъ, имѣла сильное вліяніе на сердце юнаго Димитрія. Въ свободные часы отъ занятій будущій инокъ-святитель нерѣдко уединялся подъ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ обширнаго отцовскаго сада и тамъ погружался въ тихія думы о назначеніи человѣка для неба и вѣчности. Явленія домашней жизни не производили на него впечатлѣнія; живя среди изящной свѣтской обстановки, онъ казался питомцемъ пустыни. Такое настроеніе малолѣтняго Димитрія не вызвало сочувствія со стороны его родителей, желавшихъ видѣть сына своего на высокіхъ ступеняхъ государственной службы.

Въ статьѣ «Плачь мой» преосвя-

Игнатій так повѣствуетъ о своей дѣтской жизни въ домѣ родителейскомъ: «Дѣтство мое было исполнено скорбей. Здѣсь я вижу руку Твою, Боже мой! Я не имѣлъ кому открыть моего сердца; началъ являть его предъ Богомъ моимъ, началъ читать Евангеліе и житія святыхъ Твоихъ. Завѣса, изрѣдка пропущаемая, лежала для меня на Евангеліи: но Пимены Твои, Сисои Твои и Макарія производили на меня чудное впечатлѣніе. Мысль, часто парившая къ Богу молитвою и чтеніемъ, начала мало-по-малу приносить миръ и спокойствіе въ душу мою. Когда я былъ 15-лѣтнимъ юношею, несказанная тишина возвѣяла въ сердцѣ моемъ. Но я не понималъ ее, а полагалъ, что это обыкновенное состояніе всѣхъ человѣковъ».

Въ концѣ лѣта 1822 года отецъ свезъ Дмитрія Александровича въ Петербургъ и опредѣлилъ въ Инженерное училище. Красивая наружность и отличная подготовка въ наукахъ обратили на молодого Брянчанинова вниманіе великаго князя Николая Павловича, бывшаго тогда генерал-инспекторомъ инженеровъ, и Дмитрій Александровичъ зачисленъ былъ пенсионеромъ его августѣйшей супруги.

Въ шумѣ столичной жизни Брянчаниновъ остался вѣренъ своимъ духовнымъ стремленіямъ, какія воспиталь въ уединеніи отдаленной родины. Вотъ какъ описываетъ онъ въ статьѣ «Плачь мой» тогдашнее свое душевное состояніе: «Науки человѣческія сдѣлались предметомъ моего вниманія: къ нимъ я устремился всѣми силами души, а ощущенія религіозныя оставались въ сторонѣ. Протекали два года въ занятіяхъ земныхъ: родилась и уже возрасла въ душѣ моей какая-то страшная пустота, явился голодъ, явилась тоска невыносимая по Богѣ. И началъ

оплакивать нерадѣніе мое, то забвеніе, которому я предалъ вѣру, оплакивать сладостную тишину, которую я потерялъ, оплакивать ту пустоту, которую я приобрѣлъ, которая меня тяготила, ужасала, наполняла ощущеніемъ сиротства, лишенія жизни! И точно—это было томленіе души, удалившейся отъ истинной жизни, Бога. Воспоминаю: иду по улицамъ Петербурга въ мундирѣ юнкера, и слезы градомъ льются изъ очей... Безотчетныя религіозныя чувствованія уже не удовлетворяли меня, я хотѣлъ видѣть вѣрное, ясное, Истину. Въ то время разнообразныя идеи волновали сѣверную столицу, препирались, боролись между собою. Ни та, ни другая сторона не нравилась моему сердцу; оно не довѣряло имъ, оно страшилось ихъ. Въ строгихъ думкахъ снялъ мундиръ юнкера и надѣлъ мундиръ офицера. Я сожалѣлъ о юнкерскомъ мундирѣ: въ немъ можно было, приходя въ Божій храмъ, стать въ толпѣ солдатъ, въ толпѣ простолудиновъ, молиться и рыдать, сколько душъ угодно. Не до веселій, не до развлеченій было юношѣ. Мой умъ былъ весь погруженъ въ науки и вмѣстѣ горѣлъ желаніемъ узнать, гдѣ кроется истинная вѣра, истинное ученіе о ней, чуждое заблужденій догматическихкихъ и нравственныхныхъ».

Любилъ Дмитрій Александровичъ предаваться въ Инженерномъ училищѣ умной молитвѣ. «Бывало съ вечера», рассказывалъ онъ впоследствии, «ляжешь въ постель и, приподнявъ отъ подушки голову, начнешь читать молитву, да такъ, не измѣняя положенія, не прекращая молитвы, встанешь утромъ идти на службу въ классы». Каждую субботу и воскресенье, скрытно отъ начальства, ходилъ онъ къ инокамъ снзчала Валаамскаго подворья, а затѣмъ Александро-Невской лавры для исповѣди и святаго Причастія. Въ

этомъ святомъ дѣлѣ вскорѣ присоеди-
нился къ нему другъ и товарищъ его
по училищу Михаилъ Чихачевъ, изъ
дворянъ Псковской губерніи.

По окончаніи курса въ юнкерскихъ
классахъ друзья-офицеры вышли на
вольную квартиру. Они повели образъ
жизни самый строгій, чисто мона-
шескій, соблюдали постные дни,
не посѣщали никакихъ увеселеній,
избѣгали всякихъ легкомысленныхъ
знакомствъ. Каждый день вставали
очень рано, спѣшили въ Александро-
Невскую лавру, гдѣ выслушивали ли-
тургію. По окончаніи службы церков-
ной, шли въ Инженерное училище, въ
офицерскіе классы, гдѣ оставались
положенное время, а потомъ уходили
домой, скромно трапезовали и все
остальное время дня проводили за
учебными занятіями, а покончивъ съ
ними, читали книги богословскаго и
религознаго содержанія.

Въ «Плачѣ» своемъ такъ говоритъ
преосвященный Игнатій объ этомъ
періодѣ своей жизни: «Предъ взорами
ума уже были границы знаній чело-
вѣческихъ въ высшихъ окончательныхъ
наукахъ. Пришедши къ гранямъ этимъ,
я спрашивалъ у наукъ: что вы даете
въ собственность человѣку? Человѣкъ
вѣченъ, и собственность его должна
быть вѣчна. Покажите мнѣ эту вѣч-
ную собственность, это богатство вѣр-
ное, которое я могъ бы взять съ со-
бою за предѣлы гроба! Науки молчали...
И началъ я со слезами умолять Бога,
чтобы Онъ указалъ мнѣ правый путь,
по которому я могъ бы направить къ
Нему невидимое шествіе умомъ и
сердцемъ. Внезапно предстаетъ мнѣ
мысль, внушающая изучить вѣру въ
источникахъ—въ писаніяхъ святыхъ
отцовъ. «Ихъ святость», говорила она
мнѣ, «ручается за ихъ вѣрность: ихъ
избери въ руководители». Повинуясь
нахожу способъ получить сочиненія

святыхъ угодниковъ Божіихъ, съ жа-
ромъ начинаю читать ихъ, глубоко
изслѣдовать. Прочитавъ однихъ, берусь
за другихъ, читаю, перечитываю, из-
учаю. Что прежде всего поразило меня
въ писаніяхъ отцовъ Православной
церкви? Это ихъ согласіе, согласіе
чудное, величественное. Осымнадцать
вѣковъ въ устахъ ихъ свидѣлствуютъ
единогласно единое ученіе, ученіе
божественное. Когда въ осеннюю
ясную ночь гляжу на чистое небо,
усѣянное безчисленными звѣздами
столь различныхъ размѣровъ, испускаю-
щими единый свѣтъ, тогда говорю
себѣ: таковы писанія отцовъ. Когда
въ лѣтній день гляжу на обширное
море, покрытое множествомъ судовъ
съ ихъ распущенными парусами, по-
добными бѣлымъ лебединымъ крыльямъ,
бѣгущимъ подъ однимъ вѣтромъ, къ
одной пристани, тогда говорю себѣ:
таковы писанія отцевъ. Когда слышу
стройный многочисленный хоръ, въ
которомъ различные голоса въ изящ-
ной гармоніи поютъ единую пѣснь
божественную, тогда говорю себѣ: та-
ковы писанія отцовъ... Чтеніе отцовъ
съ полною ясностью убѣдило меня,
что спасеніе въ нѣдрахъ Россійской
церкви несомнѣнно, чего лишены вѣро-
повѣданія западной Европы, какъ не
сохранившія ни догматическаго, ни
нравственнаго ученія первенствующей
церкви. Оно научило меня, что жизнь
земную должно проводить въ пригото-
вленіи къ вѣчности. Оно показало
мнѣ, что всѣ земныя занятія, наслаж-
денія, почести, преимущества—пустыя
игрушки, которыми играютъ и въ ко-
торыя проигрываютъ блаженство вѣч-
ности взрослыхъ дѣти».

Димитрій Александровичъ рѣшился
оставить міръ и вступить въ монастырь.
«Сколько было препятствій для этого»,
говоритъ онъ. «Оставляю упоминать о
всѣхъ; самое тѣло вопіяло мнѣ: «куда

ведешь меня? Я такъ слабо и болѣзненно. Ты видѣлъ монастыри, ты коротко познакомился съ ними; жизнь въ нихъ для тебя невыносима и по моей немощи, и по воспитанію твоему, и по всѣмъ прочимъ причинамъ». Но былъ голосъ, голосъ въ сердцѣ, думаю—голосъ совѣсти моей или—можетъ быть—ангела хранителя, сказывавшаго мнѣ волю Божию, потому что голосъ былъ рѣшительнъ и повелительный. Онъ говорилъ мнѣ: это сдѣлать—твой долгъ, долгъ непремѣнный».

Весною 1826 года Димитрій Александровичъ заболѣлъ тяжкою грудною болѣзнію, ямѣвшею всѣ признаки чахотки. Государь Императоръ Николай Павловичъ приказалъ собственнымъ медикамъ пользоваться больногo и ежедневно доносить ему о ходѣ болѣзни. Доктора объявили Димитрію Александровичу объ опасности его положенія, самъ онъ считалъ себя на порогѣ жизни и частымъ причащеніемъ Святыхъ Таинъ готовился къ переходу въ вѣчность. Но благодатію Божіею болѣзнь приняла благопріятный переломъ.

Въ іюнѣ того же года Брянчаниновъ получилъ трехмѣсячный отпускъ и для поправленія здоровья отправился на родину, въ домъ своихъ родителей. Здѣсь онъ осторожно открылъ отцу свое желаніе и намѣреніе поступить въ монашество. Но отецъ его, именитый русскій дворянинъ, мечтавшій о блестящей свѣтской карьерѣ своего сына, рѣшительно воспротивился аскетическимъ стремленіямъ своего первенца и никакъ не могъ примириться съ мыслию о его монашествѣ. Съ глубокою скорбію Димитрій Александровичъ покинулъ родительскій домъ и отправился въ столицу. А тамъ готовилась встрѣтить его другая буря: онъ долженъ былъ отстоять свое завѣтное желаніе предъ монархомъ, которому былъ обя-

занъ воспитаніемъ, образованіемъ и благодарностію за милостивое высокое вниманіе къ нему.

Возвратившись изъ отпуска, Брянчаниновъ сдалъ окончательный экзаменъ въ Инженерномъ училищѣ и немедленно подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы съ цѣлію идти въ монастырь. Государь, узнавъ объ этой просьбѣ, остался очень недоволенъ ею и поручилъ своему августѣйшему брату великому князю Михаилу Павловичу отговорить любимаго воспитанника отъ такого предпріятія. На убѣжденія великаго князя 19-ти-лѣтній юноша отвѣчалъ: «Разстроенное здоровье мое, о чемъ извѣстно Его Величеству, поставляетъ меня въ совершенную невозможность нести труды служебные и, предвидя скорую смерть, я долженъ позаботиться о приготовленіи себя къ вѣчности, для чего я избираю монашеское званіе». Великій князь замѣтилъ, что онъ можетъ получить службу въ южномъ климатѣ Россіи, и что гораздо почетнѣе спастись душу свою, оставаясь въ мірѣ. Брянчаниновъ отвѣтилъ: «остаться въ мірѣ и желать спастись—это, ваше высочество, все равно, что стоять въ огнѣ и желать не сгорѣть». Однако, Государь отказалъ Брянчанинову въ увольненіи отъ службы и назначилъ его въ Динабургъ наблюдать за производствомъ разныхъ построекъ и земляныхъ работъ въ крѣпости. Осенью 1827 года великій князь Михаилъ Павловичъ посѣтилъ Динабургъ и, лично убѣдившись въ слабости здоровья офицера Брянчанинова, склонился на его желаніе получить отставку.

Димитрій Александровичъ уволенъ былъ отъ службы 6 ноября 1827 года съ чиномъ поручика и немедленно отправился въ Свирскій монастырь, чтобы тамъ подъ руководствомъ знаменитаго въ то время старца Леонида

начать подвигъ иночества. Выходъ его изъ службы совершился безъ вѣдома родителей, а потому, естественно, навлекъ на себя гнѣвъ ихъ. Они отказали сыну въ вещественной помощи и даже прекратили съ нимъ письменныя сношенія. Въ «Плачѣ» своемъ онъ такъ выразилъ свои чувствованія, съ которыми вступилъ на этотъ новый путь жизни: «Вступилъ я въ монастырь, какъ кидается изумленный, закрывъ глаза и отложивъ размышленіе, въ огонь или пучину, какъ кидается воинъ, увлекаемый сердцемъ, въ сѣчу кровавую, на явную смерть. Звѣзда руководительница моя, мысль благая, повелѣвающая мнѣ неуклонно слѣдовать наставленіямъ святыхъ отцовъ, пришла свѣтитъ мнѣ въ уединеніи, въ тишинѣ, или правильнѣе—во мракѣ, въ буряхъ монастырскихъ».

Въ продолженіе четырехъ лѣтъ съ половиною Брянчаниновъ, кромѣ Свирской обители, посѣтилъ пустыни Площанскую и Оптину и Кирилловъ-Новоезерскій монастырь; въ послѣднемъ онъ подвергся жестокой и продолжительной лихорадкѣ, оставившей въ его слабomъ организмѣ слѣды свои на всю остальную жизнь его; наконецъ, онъ прибылъ въ Глушицкій Діонисіевъ монастырь, гдѣ зачисленъ былъ послушникомъ. Къ этому времени относится знакомство его съ бывшимъ настоятелемъ Николо-Угрѣшскаго монастыря архимандритомъ Пименомъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ о. Пимень восхищается благородною осанкой послушника Брянчанинова, его скромною поступью, въ высшей степени благоговѣйнымъ предстояніемъ въ церкви, и наконецъ, самую бесѣдою, которую описываетъ слѣдующими словами: «не взирая еще на молодые лѣта, видно было, что Брянчаниновъ много читалъ отеческихъ книгъ, зналъ весьма твердо Іоанна Лѣствичника, Ефрема Сирина, Доброто-

любіе и писанія другихъ подвижниковъ, и потому бесѣда его назидательная и увлекательная была въ высшей степени усладительна».

Тогдашній епископъ Вологодскій преосвященный Стефанъ, въ епархіи котораго находился Глушицкій монастырь, провидѣлъ въ молодомъ Брянчаниновѣ духъ истиннаго монашества, возлюбилъ его всѣмъ сердцемъ и принялъ въ немъ самое живое участіе. Исходатайствовавъ разрѣшеніе Святѣйшаго Синода, владыка вызвалъ Дмитрія Александровича въ Вологду и 28-го іюня 1831 г. въ каѳедральномъ Воскресенскомъ соборѣ постригъ его въ малую схиму съ нареченіемъ имени Игнатія, въ честь священномученика Игнатія Богоносца; затѣмъ рукоположилъ его въ іеромонаха и назначилъ строителемъ въ Пельшемскій Лопотовъ монастырь.

О. Игнатій обновилъ клонившуюся къ разрушенію названную обитель, учредилъ въ ней порядокъ, согласный съ уставомъ монастырскимъ, завелъ серебряные сосуды и Евангелія и дорогія облаченія, устроилъ настоятельскія и братскія келліи. Дѣятельнымъ помощникомъ его въ устройствѣ обители былъ помянутый выше другъ его Михаилъ Чихачевъ, облеченный имъ въ рясофоръ. Чихачевъ обладалъ отличнымъ октавистымъ голосомъ, прекрасно зналъ церковное пѣніе и музыку и составилъ очень хорошій пѣвческій хоръ, который немало содѣйствовалъ привлеченію въ обитель богомольцевъ. Преосвященный Стефанъ, видя полезныя и неутомимыя труды о. Игнатія по возобновленію и благоустройству обители, возвелъ его въ санъ игумена.

Смягчилось, наконецъ и сердце Александра Семеновича Брянчанинова, когда онъ увидѣлъ молодого сына своего въ такомъ санѣ, какой приличенъ

старческому возрасту. О. Игнатій ча-
сто сталъ бывать въ домѣ своихъ роди-
телей: его слову о загробной жизни
побкорилось и сердце матери Софій
Аванасьевны, часто болѣвшей и чув-
ствовавшей себя близкою къ смерти.
Напутствованная назиданіями и моли-
твами сына, она мирно скончалась.
О. Игнатій самъ совершалъ обрядъ
отпѣванія ея въ храмѣ села Покров-
скаго.

Лѣсистая, болотистая мѣстность Ло-
потова монастыря уносила послѣдніе
остатки здоровья о. Игнатія и, на-
конецъ, совсѣмъ уложила его на одръ
болѣзни; ему необходимо было перейти
въ другой монастырь, который по кли-
матическому своему положенію далъ
бы ему возможность еще потрудиться
во славу Божию.

Между тѣмъ, о всѣхъ событіяхъ
жизни о. Игнатія узналъ императоръ
Николай Павловичъ. Онъ пожелалъ
видѣть игумена Лопотовой обители,
какъ стараго воспитанника въ Инже-
нерномъ училищѣ, и вызвалъ его въ
Петербургъ. Въ назначенный день
смиранный инокъ явился во дворецъ.
Государь принялъ его ласково и послѣ
нѣкоторыхъ объясненій сказалъ ему:
«ты мнѣ нравишься, какъ и прежде.
Ты у меня въ долгу за воспитаніе,
которое я тебѣ далъ, и за мою лю-
бовь къ тебѣ. Ты не хотѣлъ служить
мнѣ тамъ, гдѣ я предполагалъ тебя
поставить, а избралъ путь по своему
произволу; уплати же мнѣ па немъ
долгъ твой. Я тебѣ даю Сергіеву
пустынь; хочу, чтобы ты жилъ въ ней
и сдѣлалъ изъ нея монастырь, кото-
рый въ глазахъ столицы былъ бы
образцомъ монастырей». Вскорѣ о. Игна-
тій возведенъ былъ въ санъ архиман-
дрита, а 5 января 1834 года, въ со-
провожденіи Чихачева, прибылъ къ
новому своему стаду.

Архимандритъ Игнатій въ точности

исполнилъ волю возлюбленнаго Мо-
нарха: въ продолженіе своего почти
24-лѣтняго настоятельства онъ сдѣлалъ
ввѣренную ему пустынь образцовою
обителью во всѣхъ отношеніяхъ и воз-
велъ ее на степень первокласснаго
монастыря.

Первымъ дѣломъ настоятеля было
возобновленіе обветшалаго храма пре-
подобнаго Сергія и капитальное испра-
вленіе корпуса настоятельскихъ келлій.
Оба эти зданія, какъ однофасадныя,
были соединены новымъ двухъ-этаж-
нымъ корпусомъ, въ верхнемъ этажѣ
котораго весьма удобно устроена была
общпрная братская трапеза, а въ ниж-
немъ расположены кухня и пекарня.
Во время производства этихъ построекъ
внезапно, по дорогѣ изъ Петергофа,
посѣтилъ Сергіеву пустынь Императоръ
съ августѣйшею Супругой и Наслѣд-
никомъ престола. Государь все
осмотрѣлъ, остался доволенъ, благо-
дарилъ настоятеля и тогда же
сдѣлалъ распоряженіе о выдачѣ изъ
казенныхъ суммъ 96,000 руб. на воз-
обновленіе Троицкаго соборнаго храма.
За симъ архимандритъ Игнатій по-
строилъ большой деревянный корпусъ
братскихъ келлій, завелъ земледѣліе,
огородничество, садоводство и ското-
водство и сдѣлалъ необходимыя для
обители разныя хозяйственныя по-
стройки. Въ благоустройствѣ обители
много помогли о. настоятелю о. Ми-
хаилъ Чихачевъ и о. Макарій, про-
исходившій изъ купеческаго сословія
и скончавшійся въ пустыни схимни-
комъ: первый пожертвовалъ въ пользу
обители 50,000 руб., а второй 40,000
рублей.

Церковное богослуженіе при о. Игна-
тій стало совершаться съ небывалымъ
величіемъ и торжественностью. Особен-
нымъ украшеніемъ обители служило
хоровое пѣніе и впятное чтеніе подъ
руководствомъ превосходнаго пѣвца и

еца о. Михаила Чпхачева, а также постоянное стояніе въ храмѣ, безмолвное пребываніе въ трапезѣ, весьма приличныя одежды; а опрятность и чистота во всемъ придавали всей обстановкѣ видъ изящества, соединеннаго съ простотою.

Главное же вниманіе о. Игнатій обратилъ на внутреннюю жизнь братія. Двери его келліи были открыты для всѣхъ; къ нему входили свободно—отъ престарѣлыхъ монаховъ священнослужителей до юныхъ послушниковъ, вслѣдствіе чего все братство стало составлять одну великую семью, связанную союзомъ любви и духовнаго единенія, одушевленную и руководимую высокимъ ученіемъ отца наставника. Многие изъ учениковъ о. Игнатія вели запись грѣховъ своихъ и ежедневно вечеромъ приходили къ нему исповѣдывать ихъ, не оставляя до другого дня никакого грѣховнаго помысла. Способностью принимать исповѣдь помысловъ о. архимандритъ Игнатій обладалъ въ совершенствѣ. Часто примиръ изъ собственной жизни, приведенный старцемъ, или указаніе на какое-либо въ книгѣ описанное событіе такъ близко подходило къ исповѣданному случаю, что не оставалось никакого сомнѣнія въ душѣ исповѣдывающагося; ученикъ всегда уходилъ съ умиленіемъ отъ старца.

Архимандритъ Игнатій былъ замѣчательно нестяжателемъ. По словамъ одного изъ келейниковъ, «бывало, казначей принесетъ ему жалованье или долю по раздѣлу братской кружки, онъ и въ руки не возьметъ и даже не считаетъ, а скажетъ казначею: «положи въ палочникъ», и изъ этого наложника брали келейники и расходовали по его распоряженію». Столъ о. Игнатія былъ неприхотливъ; онъ употреблялъ болѣе растительную пищу, и то весьма умеренно, тогда какъ видѣ-

его не представлялъ изъ себя постника или больного: полный, румяный, онъ казался пользующимся цвѣтущимъ здоровьемъ, а въ сущности былъ измощенъ болѣзнями.

Къ нищимъ онъ всегда былъ чрезвычайно щедръ и милостивъ; отказа не дѣлалъ никому, если имѣлъ, что подать; когда же не случалось денегъ, то подавалъ вещамъ, такъ что келейники старались надѣлать просящихъ деньгамъ, сколько было возможно, предупреждая просящихъ отъ личныхъ отношеній къ архимандриту.

Много недуговъ тѣлесныхъ и страданій душевныхъ пришлось перенести о. Игнатію въ Сергіевой пустыни. Мѣстность ея не представляла даже тѣхъ удобствъ, какими обладалъ Лопотовъ монастырь. Береговая сторона Финскаго залива, волны котораго разливаются въ виду самой обители, никакъ не могла служить къ возстановленію физическихъ силъ. Въ духовно-нравственномъ же отношеніи новое мѣсто жительства представляло гораздо болѣе уязвляющихъ терній сравнительно съ прежнимъ. Въ благодушномъ терпѣніи и безропотномъ несеніи своего креста о. Игнатій, съ помощію Божіею, достигъ столь великой силы, что такое крестоношеніе во многихъ случаяхъ было любезно для него.

Въ своемъ «Плачѣ» онъ говоритъ: «Не гостепривно приняла меня Сергіева пустынь. Въ первый же годъ по прибытіи въ нее я пораженъ былъ тяжкою болѣзнію, на другой годъ другою, на третій третіею; онъ унесли остатки скуднаго здоровья моего и силъ, сдѣлали меня измощеннымъ, непрестанно страждущимъ. Здѣсь же поднялись на меня и зашипили зависть, злорѣчіе, клевета; здѣсь я подвергся тяжкимъ, продолжительнымъ, унижительнымъ наказаніямъ, безъ суда, безъ малѣйшаго изслѣдованія... Но здѣсь

Милосердый Господь сподобилъ меня
испытать духовную любовь и сладость
въ то время, какъ я встрѣчалъ врага
моего, искавшаго головы моей, и сдѣ-
лалось лице этого врага въ глазахъ
моихъ, какъ лице свѣтлаго ангела.
Опытно позналъ я таинственное значе-
нiе молчанiя Христова предъ Пилатомъ
и архiereйскими судьями. Какое сча-
стiе быть жертвою, подобною Иисусу!
Или нѣтъ: какое счастье быть распя-
тымъ близъ Спасителя, какъ былъ нѣ-
когда распятъ блаженный разбойникъ,
и вмѣстѣ съ этимъ разбойникомъ отъ
убѣжденiя души исповѣдывать: «до-
стойно по дѣломъ моимъ приемлю: по-
няни меня, Господи, во Царствiи
Твоемъ». Въ состоянiи сильнаго прав-
ственнаго огорченiя архимандритъ
Игнатiй нерѣдко удалялся въ спальню,
опускалъ густыя занавѣси на окна, дѣ-
лалъ изъ келлiи темницу и запирался на
надѣлю. Въ такое время никто не вхо-
дилъ къ нему, онъ предавался молитвѣ
и плачу до тѣхъ поръ, пока не придетъ
благодатное посѣщенiе свыше и не
объяснитъ его неизреченною радостiю.

27 октября 1857 года архимандритъ
Игнатiй посвященъ былъ въ Казап-
скомъ соборѣ С.-Петербургскимъ митро-
политомъ Григорiемъ, въ сослуженiи съ
другими iерархами, присутствовавшими
въ Святѣйшемъ Синодѣ, во епископа
Кавказскаго и Черноморскаго. Вдов-
ствующая императрица Александра
Феодоровна пожаловала своему быв-
шему пенсiонеру въ Инженерномъ
училищѣ драгоцѣнную панагию, укра-
шенную брилліантами и рубинами.
4 января 1858 года преосвященный
Игнатiй прибылъ въ свой епархіальный
городъ Ставрополь. Гражданскимъ
губернаторомъ въ Ставрополѣ въ это
время былъ родной братъ епископа
Петръ Александровичъ Брянчаниновъ.

Преосвященный Игнатiй былъ преем-
никомъ перваго епископа Кавказской и

Черноморской епархіи Іереміи Со-
ловьева, въ схимѣ Іоанна. Святи-
тельствовавъ онъ на Кавказской каедрѣ
около трехъ лѣтъ съ половиною. Въ
обращенiи съ духовенствомъ былъ при-
вѣтливъ; внимательно входилъ въ нрав-
ственное состоянiе тѣхъ, кои подверга-
лись наказанiямъ и замѣчанiямъ, ста-
раясь отдѣлять служебную виновность
отъ его семейныхъ обстоятельствъ и
домашнихъ нуждъ. Особенное вниманiе
обращалъ онъ на нравственное воспи-
танiе духовнаго юношества въ учили-
щѣ и семинаріи.

Чувствуя крайнее изнеможенiе силъ
отъ болѣзненности, продолжавшейся
около 40 лѣтъ, и постоянно питая въ
душѣ желанiе окончить дни въ уедине-
нiи, преосвященный Игнатiй подаль
въ Святѣйшій Синодъ прошенiе объ
увольненiи на покой съ предоставленiемъ
ему въ управленiе Николо-Баба-
евскаго монастыря Костромской епар-
хіи. Увольненiе его послѣдовало
5 августа 1861 года. Преосвященный
приѣхалъ въ названный монастырь съ
нѣкоторыми преданными ему иноками
Сергіевой пустыни.

Владыка былъ вполне доволенъ но-
вымъ мѣстомъ жительства. «Скажу
вамъ о Бабаевскомъ монастырѣ, писалъ
онъ своимъ друзьямъ въ Петербургъ,
что онъ мнѣ чрезвычайно нравится во
всѣхъ отношенiяхъ. Мѣстоположенiе
премилое! Какой воздухъ! Какія воды,
какія кристаллыя ключевыя воды!
бьютъ, кипятъ изъ горы и въ такомъ
количествѣ, что было бы ихъ доста-
точно, думаю, для всего Петербурга.
Какія рощи съ дубами! какія поляны!
какая Волга! какая тишина! Раскрываю
книжку аскетическаго писателя, читаю
ее, — вижу, что здѣсь можно исполнить
совѣты ея на самомъ дѣлѣ, между тѣмъ
какъ въ Петербургѣ можно исполнить
ихъ только въ воображенiи и желанiи.
Словомъ сказать: для земнаго стран-

створенія моего въ эту минуту не желалъ бы другаго лучшаго пріюта». Въ концѣ іюня 1862 года пріѣхалъ въ Бабаевскую обитель на жительство родной братъ владыки, П. А. Брянчанinovъ, глубоко преданный ему въ духовномъ отношеніи, испросившій увольненіе отъ должности Ставропольскаго губернатора, и поселился въ монастырѣ на правахъ богомольца.

Живя на покоѣ, преосвященный Игнатій всѣ свободные часы своего дня посвящалъ составленію аскетическихъ сочиненій, а также пересмотру и приготовленію къ печати всѣхъ статей, писанныхъ имъ въ разное время въ санѣ архимандрита и потомъ епископа. Такимъ образомъ составлены были святи-телемъ и изданы Петербургскимъ книгопродавцемъ Глазуновымъ четыре тома его сочиненій подъ названіями: «Аскетическіе опыты» (томы I и II), «Аскетическая проповѣдь» (т. III) и «Приношеніе современному монашеству» (т. IV). Пятый же томъ, подъ названіемъ «Отчникъ», содержащій изреченія святыхъ отцевъ и повѣстп изъ жизни ихъ, изданъ Глазуновымъ уже по кончинѣ святи-телея. Тогда же напечатано отдѣльно книжкою и его «Слово о смерти».

Въ предисловіи къ I тому преосвященный авторъ объясняетъ, что разнообразныя статьи «Аскетическихъ опытовъ» были составлены имъ по поводу возникавшихъ вопросовъ въ обществѣ иноковъ и боголюбивыхъ мірянъ, ходившихся въ духовномъ общеніи съ авторомъ. Всѣ онѣ, въ цѣломъ составѣ, изображаютъ православный христіанскій подвигъ въ его порядкѣ, постепенности; оберегаютъ подвижника отъ увлеченій и заблужденій, отъ несвойственнаго стремленія къ высокимъ духовнымъ подвигамъ и состояніямъ; научаютъ полагать прочное основаніе на дѣланіи евангельскихъ заповѣдей,

на покаяніи и плачѣ.—Преосвященный Игнатій, по его собственнымъ словамъ, не говорилъ, а тѣмъ болѣе не писать, не провѣривъ собственнымъ опытомъ того ученія или дѣланія и его послѣдствій, которыя онъ передавалъ слушателю или читателю, указывая въ то же время на Писанія священное и отеческія.

Задолго до кончины своей преосвященный Игнатій сталъ готовиться къ ней и въ разговорахъ своихъ часто касался распоряженій на случай смерти. «Прошу, когда я буду умирать, говорю, дайте моему брату, не вздумайте посылать за докторомъ, дайте мнѣ умереть христіанномъ,—не подымайте суматохи. О кончинѣ—моихъ родныхъ не увѣдомлять и къ похоронамъ ихъ не ожидать, а предавши землѣ, тогда увѣдомьте... О томъ, какъ и гдѣ похоронить меня, ничего не говорю и не завѣщаю, потому что не желаю связывать дѣйствій ближнихъ, за предѣлами моей жизни».

Чрезмѣрные труды и постоянныя болѣзни ускорили смерть владыки. Въ послѣдніе дни жизни своей преосвященный воодушевленъ былъ необычайною любовію ко всѣмъ. Эта любовь, а съ нею неземная радость сіяли на лицѣ болящаго подвижника покаянія и слезъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней владыка, прощаясь съ келейникомъ своимъ, поклонился ему до земли и сказалъ: «прости меня, батюшка». Полный благодатнаго смиренія видъ старца тронулъ келейника до слезъ.

30 апрѣля 1867 года, въ недѣлю святыхъ женъ-мученицъ, на 61 году отъ рожденія, преосвященный Игнатій, напутствованный приобщеніемъ Христовыхъ Таинъ, съ молитвою на устахъ, отошелъ ко Господу, котораго измлада возлюбилъ всѣмъ сердцемъ. На шестой день совершенно было отгѣваніе тѣла его преосвященнымъ Іонааномъ, епи-

скопомъ Кнпешемскимъ, викаріемъ Костромскимъ, въ монастырской Николаевской церкви, при многочисленномъ стеченіи народа, и затѣмъ гробъ святителя перенесенъ былъ въ больничную церковь святаго Іоанна Златоустаго и преподобнаго Сергія Радонежскаго и опушенъ въ склепъ за лѣвымъ клиросомъ.

По общему отзыву, отпѣваніе усопшаго іерарха-подвижника производило на всѣхъ впечатлѣніе скорѣе церковнаго торжества, чѣмъ печальнаго обряда. Ученики владыки припомнили его слова: «Можно узнать, говорилъ онъ, что почившій подѣ милостію Божіею, если, при погребеніи тѣла его, печаль окружающихъ растворена какою-то неостыжимою отрадою».

Въ настоящее время надъ могилою святителя сооружена деревянная рака, раскрашенная подѣ бѣлый мраморъ, огражденная бронзовою рѣшеткою. У возглавія возвышается металлическое Распятіе съ теплящеюся лампадою. На крестѣ, у ногъ Спасителя, въ медальонѣ, изображенъ священномученикъ Игнатій Богоносецъ. На ракѣ изложена краткая біографія покойнаго владыки.

Родной братъ преосвященнаго Игнатія, раздѣлявшій съ нимъ уединенную жизнь въ обители, погребенъ на монастырскомъ кладбищѣ, противъ паперти Иверскаго собора. На могилѣ его, окруженной кустами сирени, черная гранитная плита, на которой начертано: «Монахъ Павелъ, въ мѣрѣ Петръ Александровичъ Брянчаниновъ, бывшій Ставропольскій губернаторъ, жительствовалъ въ Николаевскомъ Бабаевскомъ монастырѣ 29 лѣтъ, скончался 25 іюня 1891 года 82 лѣтъ».

Заклучимъ краткій очеркъ жизни преосвященнаго Игнатія теплымъ поэтическимъ воспоминаніемъ о немъ любимаго келейника его Василія, вно-

слѣдствіи іеромонаха Александро-Невской лавры, ближайшаго свидѣтеля сокровенныхъ отъ міра великихъ подвиговъ святителя.

«Владыка мой, отецъ мой, учитель мой! куда ты сокрылся? Я нигдѣ не вижу тебя: ни на ложѣ, на которомъ истаявалъ ты въ своихъ пламенныхъ молитвахъ предѣ величіемъ Божіимъ; ни у стола, за которымъ, движимый Божіимъ Духомъ, писалъ вдохновенныя страницы; ни у аналоя, у котораго часто стоялъ съ воздѣтыми къ небу руками, стоялъ въ страхѣ и трепетѣ, орошая ланиты теплыми слезами; ни на стулѣ сидящимъ п умильно взирающимъ на икону Спасителя, какъ бы бесѣдующимъ съ Нимъ».

«Увы! ты умеръ: тѣло твое сокрылось на время во гробъ, а крылатая душа твоя унеслась туда, гдѣ пребывали мысли и чувствованія твои, гдѣ жило твое сердце: на небо. Ты стоишь нынѣ предѣ неприступнымъ величіемъ Божества у незаходимаго умнаго Свѣта»...

«Владыка мой! не забудь меня тамъ! вспомни обо мнѣ! Я вѣрую въ твои молитвы, владыка мой, потому что видѣлъ непорочные пути твои. Ни о чемъ ты такъ не заботился, ни къ чему такъ не стремился, какъ къ тому, чтобы угодить Господу; и днемъ и ночью ты только и думалъ, только и помышлялъ о томъ, какъ бы потеплѣе помолиться Ему, побольше поплакать предѣ Нимъ. Ни въ чемъ не находилъ ты такой отрады и успокоенія, какъ въ плачѣ» *).

Протоіерей Ф. Знаменскій.

*) Источники: 1) Жизнеописаніе епископа Игнатія Брянчанинова, составленное его ближайшими учениками. Спб. 1881 года. 2) Сочиненія епископа Игнатія Брянчанинова.